

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.008

Институт принудительного питания: зарождение и развитие

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИН

Московская коллегия адвокатов «Ульпиан», Москва, Россия

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россияs.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию исторического опыта применения такого инструмента, как принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, а именно отбывающих лишение свободы и арестованных до суда за совершенные преступления. *Цель:* определить, когда и в связи с чем в нашей стране появились голодовки осужденных и содержащихся под стражей, как Российское государство реагировало на данные акции до революции 1917 г., применялось ли принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в советский период. *Методы:* основные положения статьи базируются на исследовании дореволюционных, советских и современных нормативных правовых актов, трудов правоведов и историков, а также мемуаров осужденных и арестованных. *Результаты:* голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, как социальное явление появились в России в первой половине XIX в. В дореволюционной России не существовало законодательного регулирования порядка действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, в них содержащимися. Случаи применения принудительного питания с целью спасения жизни голодающих в начале XX в. соседствовали с ситуациями, когда тюремная администрация сознательно допускала смерть арестантов в результате голодовки. Практика применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарном учреждении, имела место и в советский период. Однако законодательное закрепление возможности применения данного инструмента и установление допустимости такого вмешательства при возникновении непосредственной угрозы жизни лица, объявившего голодовку, произошло лишь в 1990-е гг. *Выводы:* принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, имеет исторические корни. Начав применяться в условиях полного отсутствия нормативного регулирования, постепенно данный инструмент получил закрепление на законодательном уровне.

Ключевые слова: принудительное питание; искусственное питание; осужденный; лишение свободы; история; голодовка; отказ от пищи.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдюхин С. А. Институт принудительного питания: зарождение и развитие // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 65–73. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.008.

Forced Feeding of Persons Held in Russian Penitentiary Institutions: Origin and Development

SERGEI A. AVDYUKHIN

Moscow Bar Association “Ulpian”, Moscow, Russia

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Abstract

Introduction: the article describes the history of forced feeding of persons held in penitentiary institutions in Russia, namely those serving imprisonment and arrested before trial for crimes committed. *Purpose:* to determine when and why hunger strikes of convicts and detainees appeared in our country; how the Russian state reacted to such hunger strikes before the 1917 revolution; whether forced feeding of persons held in penitentiary institutions was used during the Soviet period. *Methods:* the main provisions of the article are based on the study of pre-revolutionary, Soviet and modern normative legal acts, works of legal scholars and historians, as well as memoirs of convicts. *Results:* hunger strikes of persons held in penitentiary institutions appeared as a social phenomenon in Russia in the first half of the XIX century. In pre-revolutionary Russia, there was no legislative regulation of the procedure for the actions of employees of penitentiary institutions in the event of a hunger strike by persons held in them. Cases of forced feeding in order to save the lives of starving people in the early XX century were juxtaposed with situations where the prison administration deliberately allowed prisoners to die of hunger. The practice of using forced feeding against people on a hunger strike in a penitentiary institution took place during the Soviet period. However, the legislative consolidation of the possibility of using forced nutrition and the establishment of the permissibility of such intervention in the event of an immediate threat to the life of a person on hunger strike occurred in the 1990s. *Conclusion:* the forced feeding of persons held in Russian penitentiary institutions has deep historical roots. Having been applied in the conditions of complete absence of regulation, forced feeding gradually gained its consolidation at the legislative level.

Keywords: forced feeding; artificial nutrition; convict; imprisonment; history; hunger strike; refusal of food.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdyukhin S.A. Forced feeding of persons held in Russian penitentiary institutions: origin and development. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 1 (69), pp. 65–73. doi 10.46741/2686-9764.2025.69.1.008.

Введение

Часть 4 ст. 101 УИК РФ допускает возможность применения принудительного питания в отношении осужденных к лишению свободы, отказывающихся от приема пищи, в случае возникновения угрозы их жизни. Аналогичные по содержанию положения содержатся и в ст. 42 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Указанные нормы, впервые закрепленные на законодательном уровне в 1990-е гг., представляют собой ответную реакцию отечественного законодателя на голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, то есть на сознательный отказ таких лиц от приема пищи, способный в конечном итоге привести к их гибели.

При этом проблема тюремных голодовок возникла не вчера, и предыдущим поколениям отечественных законодателей и правоприменителей также приходилось решать вопрос о том, следует ли сохранять

жизнь лицам, содержащимся в пенитенциарных учреждениях и объявившим голодовку, путем применения к ним принудительного питания. Поэтому было бы интересным найти ответы на ряд вопросов: когда и в связи с чем в России появились голодовки осужденных и содержащихся под стражей; как государство реагировало на подобные действия; применялось ли принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях?

Методология

Поскольку настоящая статья посвящена исследованию исторического опыта применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России, то ее основные положения базируются на исследовании дореволюционных, советских и современных нормативных правовых актов, трудов правоведов и историков. Особое место среди источников занимает пятитомный труд М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» – фундаментальная работа, признаваемая в отечественной науке наиболее

полным исследованием дореволюционной пенитенциарной системы [1, с. 5]. Кроме того, в целях изучения практики применения принудительного питания в дореволюционной и советской России были использованы художественные (прежде всего мемуарные) произведения, созданные осужденными и подследственными.

Основная часть

Голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях: зарождение проблемы

Как отмечает М. Н. Гернет, первая в отечественной истории коллективная тюремная голодовка была начата в 1827 г. в Сибири, на Благодатском руднике, ссыльными каторжанами-декабристами. Голодовка продолжалась всего два дня и закончилась «полной победой заключенных», выступивших против решения начальника рудников о лишении каторжан свечей и права общего обеда [2, с. 176]. Тюремные голодовки получили распространение к концу XIX в., что связано с изменениями, произошедшими в XIX в. в пенитенциарной системе в целом и системе материально-бытового обеспечения лиц, содержащихся в тюремных учреждениях, в частности.

Так, первым нормативным правовым актом, возложившим на государство обязанность по обеспечению снабжения тюремного населения пищей, стал Указ императора Александра I от 26.10.1822 «На производство из казны денег на прокормление арестантов в местах их заключения», в соответствии с которым арестантам должно было предоставляться питание, отвечающее «минимальным гигиеническим требованиям, предъявляемым к рациону взрослого здорового человека» [3, с. 47].

До принятия данного указа основным источником пропитания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, являлись пожертвования граждан, что приводило к существенному разрыву в уровне пищевой обеспеченности арестантов. Так, например, М. Н. Гернет отмечает, что размеры подаваний продуктами и деньгами в московских тюрьмах позволяли арестантам быть сытыми и «не иметь вида голодных людей» [1, с. 306], тогда как осужденные в тюремном замке г. Камышлова Пермской губернии находились «в дурном положении: питание плохое, и, когда нет подавания, то арестанты питаются корками хлеба с водою» [1, с. 349].

При этом следует понимать, что и после принятия Указа 1822 г. обеспечение питанием лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, оставалось серьезной проблемой. Так, Н. С. Таганцев, описывая современное ему состояние тюрем, ссылается на отчет Попечительного общества о тюрьмах за 1857 г., из которого следует, что пища арестантов продолжает оставаться «крайне непитательной вследствие отпуска денег только на хлеб и на крупу без мяса» [4, с. 1330].

Представляется, что отсутствие случаев тюремных голодовок в России до 1827 г. непосредственно

связано с описанным состоянием пенитенциарной системы. Во-первых, отказ от приема пищи (голодовка) как осознанное, целенаправленное действие лица, содержащегося в тюремном учреждении, может быть осуществлен лишь при наличии самой пищи, которая отнюдь не была гарантирована осужденным и содержащимся под стражей вплоть до XIX в. Во-вторых, в большинстве случаев голодовка – это протестное действие по отношению к тюремным властям и государству в целом, тогда как, отказываясь от приема пищи, полученной в качестве подавания, голодающий противопоставляет себя не тюремной администрации, а благотворителям, решившим потратить собственные средства на пропитание лично не знакомых им людей. В-третьих, начиная голодовку, осужденный либо содержащийся под стражей полагает, что, поскольку его смерть является нежелательным событием для тюремных властей, администрация пенитенциарного учреждения отреагирует на его требования, побудит его к прекращению голодовки.

Между тем подобная логика вряд ли может быть применима к отношениям между государством и лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях, вплоть до XIX в. Так, анализ положений Соборного уложения 1649 г., являвшегося одним из важнейших источников права до середины XIX в., показывает, что изоляция преступников рассматривалась в качестве единственной цели тюремного заключения, а суровые бытовые условия содержания использовались в качестве карательной меры [3, с. 42–43]. Лишь Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. отнесло лишение свободы к исправительным наказаниям, то есть наказаниям, основной целью которых является исправление осужденных, что повлекло за собой и пересмотр отношения к материально-бытовому обеспечению арестантов, которое стало рассматриваться в качестве одного из условий их исправления [3, с. 48].

Соответственно, именно в XIX в. смерть лица, содержащегося в пенитенциарном учреждении, стала рассматриваться государством не в качестве сопутствующего ущерба при достижении цели изоляции такого лица от общества, а как обстоятельство, препятствующее достижению цели исправления. Только при таком подходе государства к целям уголовного наказания осужденные и содержащиеся под стражей стали рассматривать голодовку в качестве эффективного способа добиться выполнения своих требований тюремной администрацией.

Практика применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в конце XIX в.

Итак, к концу XIX в. голодовки в пенитенциарных учреждениях стали распространенным явлением, требующим реакции со стороны государства. Одним из возможных способов решения проблемы стало применение по отношению к голодающим принудительного питания.

Первый обнаруженный нами подобный случай описан в мемуарах революционера Феликса Кона, в 1880-х гг. отбывавшего наказание в Нижне-Карийской тюрьме Нерчинской каторги. В знак протеста против грубого обращения с одной из заключенных при переводе ее в другую тюрьму группа заключенных женской тюрьмы объявила голодовку с требованием уволить коменданта каторги Масюкова. На девятый день голодовки к одной из осужденных – Надежде Сигиде – по решению властей было применено принудительное питание (в работе Ф. Кона, как и в основной части других дореволюционных и советских источников, используется термин «искусственное кормление», который, однако, не в полной мере отражает сущность рассматриваемого нами явления [5, с. 292]). При этом Ф. Кон отмечает, что недавно осужденная и потому менее других истощенная Сигида выносила голодовку лучше некоторых других, а искусственное кормление было применено к ней лишь для того, чтобы обреченная на квалифицированную смертную казнь Сигида в случае смерти от голодовки не ускользнула из рук царских властей. До начала голодовки Н. Сигида нанесла коменданту крепости оскорбление действием, что в соответствии со ст. 288 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 г.) должно было повлечь назначение высшей меры наказания – смертной казни с лишением прав состояния, конкретный вид которой определялся судом при вынесении приговора [6].

Версия Ф. Кона, возможно необъективно смотревшего на происходящее, относительно мотивов применения принудительного питания к Н. Сигиде могла бы показаться надуманной, если бы не то обстоятельство, что к другим осужденным, начавшим голодовку, принудительное питание не было применено даже после того, как на 13-й день голодовки тюремный врач телеграфировал губернатору о серьезных опасениях за состояние всех голодающих, на 14-й день – об изъязвлении желудка у одной из осужденных, а на 15-й день – о том, что всякое промедление будет грозить осужденным немедленной гибелью [7, с. 20–21]. Более того, сохранился ответ губернатора на донесения тюремного врача, текст которого не оставляет каких-либо сомнений в том, что власти не намеревались предпринимать меры по спасению жизней всех голодающих: «администрации безразлично, будут они есть или не будут. Продолжайте поступать, как приказано» [8, с. 325].

Другой случай применения (а точнее – попытки применения) принудительного питания в рассматриваемый исторический период можно обнаружить в мемуарах революционера-анархиста П. А. Кропоткина, описывавшего жизнь лиц, содержащихся под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. По утверждению П. А. Кропоткина, право на свидание с родными один раз в две недели «было

добыто путем знаменитой голодной стачки 1879 г., во время которой некоторые заключенные в Трубецком бастионе в течение 5–6 дней отказывались принимать какую бы то ни было пищу, отвечая физическим сопротивлением на все попытки искусственного кормления» [9, с. 70].

Описывая голодовку в Трубецком бастионе, советский историк А. В. Предтеченский отмечает, что на пятый день крепостное начальство все же выдало голодающим бумагу для составления жалобы на имя шефа жандармов, который, прибыв на место голодовки, произнес следующее: «Я глубоко сожалею, что вам так скоро выдали бумагу и не заставили голодать до тех пор, пока вы сами не стали бы есть» [10, с. 91].

Приведенные слова шефа жандармов показывают, что, как и в случае с голодовкой на Нерчинской каторге, целью применения принудительного питания являлось не спасение жизни лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, а усмирение бунта среди содержащихся под стражей, однако после того как сделать этого не удалось, все же позволило им обратиться к вышестоящим властям.

Практика применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в начале XX в.

До начала XX в. проблема голодовок лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, хотя и приобретала все больший охват, не находила какого-либо отражения в нормативном регулировании.

Первым официальным документом, отражающим реакцию властей на эту проблему, можно считать практическое разъяснение (циркуляр) Главного тюремного управления № 13 «Об обязанностях чинов тюремной администрации по отношению к добровольно голодающим арестантам», опубликованное в журнале «Тюремный вестник» за май 1908 г. В данном циркуляре Главное тюремное управление (ГТУ) дает ответ на вопрос о том, «подлежат ли ответственности должностные лица тюремной администрации в случае болезни, а равно и смерти арестанта, произошедших вследствие добровольной голодовки последнего, вызываемой неудовлетворением его требований». Ответ ГТУ состоит из двух частей (тезисов), однако в советской научной литературе сложилась традиция ссылаться исключительно на первую часть данного циркуляра: «Ввиду того, что отказ арестанта от приема пищи является актом совершенно добровольного характера и не может быть предупрежден мерами, зависящими от тюремного начальства, последнее не может подлежать ответственности за последствия такого отказа, хотя бы голодовкою была вызвана самая смерть арестанта». Цитируя исключительно приведенную выше часть циркуляра, советские авторы приходили к выводу, что «этим распоряжением местная тюремная администрация уполномочивалась не обращать внимания на решение заключенных о голодовке» [8, с. 32–33], называя циркуляр «бездуш-

ной бумажкой, предрешившей судьбу сотен молодых жизней» [11, с. 30].

Между тем внимательное прочтение циркуляра позволяет понять, что содержание данного в нем разъяснения отнюдь не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Во второй части указано, что «при наличии, однако же, признаков серьезного заболевания или крайнего упадка сил у голодающего арестанта тюремная администрация обязана принять меры к оказанию ему необходимой медицинской помощи». Таким образом, Циркуляр ГТУ 1908 г., хотя и снимал с администрации пенитенциарного учреждения ответственность за смерть арестанта в результате голодовки, одновременно возлагал на нее обязанность по оказанию голодающему лицу медицинской помощи, а значит, мог быть истолкован как документ, позволяющий применение в отношении такого лица принудительного питания. Именно после издания данного циркуляра в России стали отмечаться случаи применения принудительного питания в отношении лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в целях спасения их жизни.

Так, в октябре 1912 г. в карцер Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги за невыполнение требования снять шапки были помещены четверо осужденных: Ф. Андреев, И. Итунин, С. Ильинский и Д. Тахчогло, которые в знак протеста объявили длительную голодовку. На 11-й день Итунину и Андрееву по освидетельствованию и требованию врача И. А. Пахолкова было введено искусственное питание, тогда как двое других осужденных продолжили голодовку, а для одного из них, С. Ильинского, голодовка и вовсе продолжалась в течение 31 дня [12, с. 198].

Длительную голодовку в знак протеста против помещения в карцер в 1912 г. объявили и четверо осужденных, содержащихся в Орловском каторжном центре. Не желая допустить смертельного исхода, по истечении 16 дней голодовки тюремная администрация по требованию врача поместила сначала одного, а затем и всех остальных голодающих в больницу, в которой «жизнь осужденных вопреки их воле поддерживали питательными клизмами» [13, с. 295].

Отметим, что в обоих случаях принудительное питание применялось на основании заключения медицинского работника в целях спасения жизни осужденных в момент, когда продолжение голодовки несло в себе реальную угрозу летального исхода, что в максимальной степени приближает описанные ситуации к современному регулированию принудительного питания осужденных в УИК РФ.

Между тем, как уже отмечалось выше, Циркуляр ГТУ 1908 г. содержал внутреннее противоречие: возлагая на тюремную администрацию обязанность оказывать медицинскую помощь лицам, объявившим голодовку, он одновременно снимал с тюремных властей ответственность за смерть арестанта, наступившую вследствие неоказания такой помощи. В этой связи данный циркуляр мог послужить оправ-

данием для неприменения принудительного питания как меры спасения жизни лица, содержащегося в пенитенциарном учреждении и оказавшегося на грани жизни и смерти. Так, например, в июле 1911 г. в том же Орловском каторжном центре «уморил себя голодом» участник Севастопольского восстания 1905 г. матрос Николай Симоненко [13, с. 147, 303], а годом спустя, в августе 1912 г., вследствие тридцатидневной голодовки в карцере Шлиссельбургской крепости скончался его товарищ матрос Иван Письменчук [13, с. 148].

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XX в. в Российской империи не существовало законодательного регулирования порядка действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, содержащимися в таких учреждениях. Единственный официальный документ, затрагивавший данный вопрос, Циркуляр Главного тюремного управления 1908 г., содержал в себе внутреннее противоречие, поскольку одновременно возлагал на тюремную администрацию обязанность оказывать медицинскую помощь лицам, объявившим голодовку, и снимал с нее ответственность за смерть, наступившую вследствие такой голодовки. В этой связи практика реагирования тюремных властей на голодовки в начале XX в. не отличалась единообразием: случаи применения принудительного питания в целях спасения жизни голодающего соседствовали с ситуациями, когда тюремная администрация сознательно допускала смерть арестанта в результате голодовки.

Практика применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в Советской России

В первые годы советской власти проблема голодовок в пенитенциарных учреждениях уступала по своей значимости проблеме недостаточного пищевого снабжения таких учреждений. Так, неслучайно то, что одним из первых актов новой власти в области уголовно-исполнительного права являлось Постановление СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об улучшении продовольствия в петроградских тюрьмах», предписывавшее принять экстренные меры для немедленного улучшения ситуации с продовольственным обеспечением в тюрьмах Петрограда, а также вывести часть осужденных и содержащихся под стражей в провинциальные тюрьмы [14, с. 41].

Однако по мере стабилизации ситуации в стране проблема тюремных голодовок вновь начинает обретать значительный масштаб. Так, НКВД и НКЮ СССР был издан совместный Циркуляр от 25.11.1925 «О принятии мер к изжитию голодовок в местах заключения», в котором прокурорам и инспекторам мест заключения предписывалось предпринимать меры, направленные на усиление законности в учреждениях для лиц, содержащихся под стражей (регулярно выезжать в места заключения; составлять списки содержащихся под стражей, следствие в отношении которых

ведется более установленного срока; своевременно уведомлять содержащихся под стражей о продлении срока расследования; своевременно направлять жалобы содержащихся под стражей в соответствующие органы и учреждения и др.). Одновременно с этим администрациям мест заключения запрещалось предоставлять какие-либо послабления лицам, уже объявившим голодовку [15, с. 142–143].

Анализ данного циркуляра показывает, что в первые годы своего существования советская власть рассчитывала полностью искоренить проблему тюремных голодовок, тем самым сняв с повестки дня и вопрос обращения с лицами, продолжение голодовки которых несет угрозу для их жизни, однако, как показал дальнейший ход истории, сделать этого не удалось.

Первым нормативным документом, официально закрепившим возможность применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарных учреждениях, стало Положение о тюрьмах НКВД СССР для содержания подсудимых, утвержденное Приказом НКВД СССР от 28.07.1939 № 00859. Статья 44 данного положения устанавливала, что в случае объявления лицом, содержащимся под стражей, голодовки начальник тюрьмы обязан немедленно перевести его в одиночную камеру и сообщить о голодовке в следственный орган, ведущий расследование дела в отношении такого лица, а также прокурору, надзирающему за тюрьмой. При отсутствии в течение 72 часов особых указаний со стороны прокурора либо следственного органа к последующему распоряжением начальника тюрьмы должны применяться меры принудительного (искусственного) питания, осуществляемые врачом либо лекомом (помощником лекаря) тюрьмы [15, с. 176].

Тем же приказом НКВД была утверждена Инструкция по применению отдельных статей Положения о тюрьмах, содержащая подробное разъяснение «техники искусственного питания», осуществляемого через пищевод либо через нос с использованием специального зонда. Рот подсудимого раскрывался роторасширителем, зев и глотка для избежания кашля и рвоты смазывались раствором кокаина, после чего пациенту осторожно вводился прокипяченный в воде мокрый (для лучшего скольжения) зонд с воронкой на свободном конце. В воронку вливалась теплая вода для промывания желудка, а затем пищевая масса, приготовленная из мясного отвара, молока, сырых яичных желтков, сахара, толокна и соли [15, с. 206].

Можно сделать вывод, что назначение института принудительного питания содержащихся под стражей лиц, закрепленного в Положении о тюрьмах НКВД СССР 1939 г., отличалось от назначения принудительного питания в наши дни. Так, ст. 44 Положения о тюрьмах располагалась в разделе «Меры взыскания за нарушения тюремного режима» и предполагала, что при отсутствии особых указаний со

стороны следователя или прокурора принудительное питание будет применяться ко всем содержащимся под стражей, объявившим голодовку, по прошествии трех суток с момента ее объявления. При этом для принятия решения о начале принудительного питания не требовалось проведения состояния здоровья голодающего, в частности, установления того, несет ли продолжение голодовки в момент начала принудительного питания угрозу для его жизни. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что основной целью применения принудительного питания лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, в рассматриваемый исторический период являлось не спасение жизни таких лиц, а обеспечение соблюдения режима соответствующего учреждения.

Как уже было указано выше, ст. 44 Положения о тюрьмах НКВД СССР 1939 г. впервые закрепила возможность применения принудительного питания лиц, содержащихся под стражей, на нормативном уровне: предыдущее положение, утвержденное Приказом НКВД от 15.03.1937 № 00112, хотя и содержало некоторые требования к поведению сотрудников тюрьмы в случае объявления голодовки, но не упоминало о возможности принудительного питания голодающих. Между тем проведенное нами исследование показало, что положения о принудительном питании, впервые закрепленные в Приказе НКВД СССР от 28.07.1939 № 00859, являлись не плодом фантазии авторов этого документа, а нормативным закреплением практики, уже сложившейся к тому моменту в советских пенитенциарных учреждениях.

Так, в Центральном архиве ФСБ России хранится заявление арестованного по делу «Промпартии» инженера-технолога С. И. Краузе от 08.11.1930 на имя помощника прокурора РСФСР с протестом против заключения под стражу и методов следствия, в котором Краузе пишет в том числе об объявлении голодовки начиная с 05.11.1930. На данном заявлении содержится резолюция следующего содержания: «Предложить начальнику тюрьмы искусственное кормление Краузе, если он не бросит голодовку. 8/XI» [16, с. 122].

Из рапорта бывшего сотрудника УГБ УНКВД по Запдно-Сибирскому краю Б. И. Сойфера мы узнаем о том, что искусственному кормлению в тюремной больнице в 1938 г. подвергались бывший работник Сиблага Садовский, голодовка которого продолжалась 105 дней, и арестованный работник штаба СибВО Ландовский, голодавший 18 дней [17].

О том, что насильственное искусственное питание было в большом ходу уже к 1937 г., пишет в книге «Архипелаг ГУЛАГ» и А. И. Солженицын. Так, по утверждению писателя, на 15-й день голодовки искусственное питание было применено к группе социалистов, содержащихся в Ярославском центре. При этом интересно то, что описание процедуры принудительного питания в полной мере соответствует технике искусственного питания, закрепленной впоследствии в приказе НКВД 1939 г.: «Рот разжимают

пластинкой, щель между зубами расширяют, вводят кишку. Если не глотаешь – продвигают кишку дальше, и жидкий питательный раствор попадает прямо в пищевод. Затем массируют живот, чтобы заключенный не прибег к рвоте» [18, с. 428].

Вопросы, связанные с принудительным питанием лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, нашли свое отражение и в более поздних нормативных актах советского периода: приказе МВД СССР от 16.08.1958 № 550 с объявлением норм суточного довольствия заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР; Инструкции о режиме содержания в следственных изоляторах МВД СССР, утвержденной приказом МВД СССР от 01.09.1972 № 0470; Положении о медицинском обслуживании лиц, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, утвержденном приказом МВД РСФСР от 30.05.1975 № 125; Инструкции о порядке проведения профилактики правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях и следственных изоляторах МВД СССР, утвержденной приказом МВД РСФСР от 23.07.1981 № 113. Данные подзаконные акты, как и приказ НКВД СССР от 28.07.1939, регулировали порядок действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, содержащимися в таких учреждениях, закрепляли процедуру принудительного питания и нормы довольствия для лиц, подвергаемых такому питанию, однако не устанавливали напрямую, что принудительное питание может быть осуществлено лишь при наступлении непосредственной угрозы жизни голодающего [19, с. 27; 20, с. 43].

Данное обстоятельство дает основание для вывода о том, что закрепление норм о принудительном питании в ст. 42 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и ч. 4 ст. 101 действующего УИК РФ 1997 г. открыло новую страницу в истории применения такой меры, как принудительное питание лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России: на законодательном уровне не только была впервые закреплена сама возможность применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку, но и четко

установлено, что подобное вмешательство может быть осуществлено только при возникновении угрозы жизни голодающего.

Выводы

Голодовки лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, как социальное явление появились в России в первой половине XIX в. одновременно с изменениями в системе материально-бытового обеспечения таких учреждений и пересмотром подхода государства к целям уголовного наказания. Первые описанные в литературе случаи применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарных учреждениях, можно обнаружить уже в конце XIX в., однако спасение жизни арестантов не рассматривалось в тот момент в качестве главной цели. В дореволюционной России не существовало законодательного регулирования порядка действий сотрудников пенитенциарных учреждений в случае объявления голодовки лицами, в них содержащимися. Единственный официальный документ, Циркуляр Главного тюремного управления 1908 г., содержал внутреннее противоречие, поскольку одновременно возлагал на тюремную администрацию обязанность оказывать медицинскую помощь лицу, объявившему голодовку, и снимал с нее ответственность за смерть арестанта, наступившую вследствие такой голодовки. В этой связи практика реагирования тюремных властей на голодовки в начале XX в. не отличалась единообразием: случаи применения принудительного питания с целью спасения жизни голодающих соседствовали с ситуациями, когда тюремная администрация сознательно допускала смерть арестантов в результате голодовки. Практика применения принудительного питания в отношении лиц, объявивших голодовку в пенитенциарном учреждении, имела место и в советский период. С 1939 г. она получила закрепление в подзаконных нормативных правовых актах. Между тем законодательное закрепление возможности применения принудительного питания, равно как и установление допустимости такого вмешательства при возникновении непосредственной угрозы жизни лица, объявившего голодовку, произошло лишь в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» 1995 г. и УИК РФ 1997 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. 1762–1825. М., 1960. 384 с.
2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. 1825–1870. М., 1961. 584 с.
3. Пертли Л. Ф. Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 210 с.
4. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. IV. СПб., 1892. 722 с.
5. Авдюхин С. А. Принудительное питание и искусственное кормление осужденных: спор о терминах или различие по существу // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 289–296.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, мировыми судьями налагаемых. М., 1872. 563 с.
7. Кон Ф. Я. На Каре // Каторга и ссылка. Сборник 2–3. М., 1922. 208 с.
8. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. 1870–1900. М., 1961. 432 с.

9. Кропоткин П. А. В русских и французских тюрьмах. СПб., 1906. 242 с.
10. Предтеченский А. В. Летопись Петропавловской крепости. М., 1932. 120 с.
11. Никитина Е. Торная дорога (Тюрьма и каторга 1905–1913 гг.) // Девятый вал: к десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки. М., 1927. 184 с.
12. Бодяк М. Г. История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги: 1879–1917 гг. : дис. ... канд. истор. наук. Иркутск, 2004. 304 с.
13. Гernet М. Н. История царской тюрьмы. Т. 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ. 1907–1917. М., 1963. 312 с.
14. Уголовное законодательство России: октябрь 1917 – май 1922 года : хрестоматия / авт.-сост. П. А. Филиппов. М., 2024. 280 с.
15. Содержание под стражей в РСФСР и СССР : сб. правовых актов / сост.: В. Н. Андреев, науч. ред.: В. А. Михайлов, Г. С. Корпанов. Тюмень, 2003. 477 с.
16. Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. / отв. ред. С. А. Красильников. М., 2017. 1055 с.
17. Письмо бывшего помощника начальника 2-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Западно-Сибирскому краю Б.И. Соифера в ЦК ВКП(б). URL: <https://istmat.org/node/64028> (дата обращения: 18.01.2025).
18. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Ч. I–II. Екатеринбург, 2006. 549 с.
19. Принудительное питание осужденных к лишению свободы / под науч. ред. А. П. Скибы, под общ. ред. А. А. Крымова. М., 2018. 175 с.
20. Горбань Д. В. История института принудительного питания осужденных и практики его применения: проблемы и перспективы // Юрист юга России и Закавказья. 2017. № 1 (17). С. 41–45.

REFERENCES

1. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. Tom 1. 1762–1825* [History of the Tsar Prison. Volume 1. 1762–1825]. Moscow, 1960. 384 p.
2. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. Tom 2. 1825–1870* [History of the Tsar Prison. Volume 1. 1825–1870]. Moscow, 1961. 584 p.
3. Pertli L.F. *Pravovoe regulirovanie material'no-bytovogo obespecheniya osuzhdennykh v uchrezhdeniyakh UIS Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of the material and household provision of convicts in penitentiary institutions of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2006. 210 p.
4. Tagantsev N.S. *Lektsii po russkomu ugovnomu pravu. Chast' obshchaya. Vypusk IV* [Lectures on Russian criminal law. General part. Issue IV]. Saint Petersburg, 1892.
5. Avdyukhin S.A. Forced feeding and artificial feeding of convicts: terminological dispute or substantive difference. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 289–296. (In Russ.).
6. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh i Ustav o nakazaniyakh, mirovymi sud'yami nalagaemykh* [The Code of Criminal and Correctional Punishments and the Statute on Punishments Imposed by the Justice of the Peace]. Moscow, 1872. 563 p.
7. Kon F.Ya. In exile. In: *Katorga i ssylka. Sbornik 2–3* [Penal servitude and exile]. Moscow, 1922. 208 p. (In Russ.).
8. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. T. 3. 1870–1900* [History of the Tsar Prison. Volume 1. 1870–1900]. Moscow, 1961. 432 p.
9. Kropotkin P.A. *V russkikh i frantsuzskikh tyur'makh* [In Russian and French prisons]. Saint Petersburg, 1906. 242 p.
10. Predtechenskiy A.V. *Letopis' Petropavlovskoi kreposti* [The Chronicle of the Peter and Paul Fortress]. Moscow, 1932. 120 p.
11. Nikitina E. Tornaya doroga (Prison and penal servitude 1905–1913). In: *Devyatyi val: k desyatiletii osvobozhdeniya iz tsarskoi katorgi i ssylki* [The Ninth Shaft: towards the tenth anniversary of liberation from tsarist penal servitude and exile]. Moscow, 1927. 184 p.
12. Bodyak M.G. *Istoriya Zerentuiskoj tyur'my Nerchinskoi katorgi: 1879–1917 gg.: dis. ... kand. istor. nauk* [History of Zerentui prison of Nerchinsk penal colony: 1879–1917: Candidate of Sciences (History)]. Irkutsk, 2004. 304 p.
13. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my. T. 5. Shlissel'burgskaya katorzhnaya tyur'ma i Orlovskii katorzhnyi tsentral. 1907–1917* [History of the tsar's prison. Vol. 5. Shlisselburg convict prison and Orel penal colony]. Moscow, 1963. 312 p.
14. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii: oktyabr' 1917 – mai 1922 goda: khrestomatiya* [Russian criminal law: October 1917 – May 1922: textbook]. Comp. by Filippov P.A. Moscow, 2024. 280 p.
15. *Soderzhanie pod strazhei v RSFSR i SSSR: sb. pravovykh aktov* [Detention in the RSFSR and the USSR: collection of legal acts]. Comp. by Andreev V.N. Ed. by Mikhailov V.A., Korpanov G.S. Tyumen, 2003. 477 p.
16. *Sudebnyi protsess "Prompartii" 1930 g.: podgotovka, provedenie, itogi. Kn. 2.* [Trial of the "Industrial Party" in 1930: preparation, conduct, results. Book 2]. Ed. by Krasil'nikov S.A. Moscow, 2017. 1,055 p.
17. *Pis'mo byvshego pomoshchnika nachal'nika 2-go otdeleniya 4-go otdela UGB UNKVD po Zapadno-Sibirskomu krayu B.I. Soifera v TsK VKP(b)* [Letter from the former assistant to the head of the 2nd department of the 4th department of the UGB NKVD in the West Siberian Region, B.I. Soifer, to the Central Committee of the CPSU(b)]. Available at: <https://istmat.org/node/64028> (accessed January 18, 2025).
18. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG. 1918–1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniya. Ch. I–II* [GULAG Archipelago. 1918–1956. The experience of artistic research. Parts I–II]. Ekaterinburg, 2006. 549 p.

19. *Prinuditel'noe pitanie osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Forced feeding of persons sentenced to imprisonment]. Ed. by Skiba A.P., Krymov A.A. Moscow, 2018. 175 p.
20. Gorban' D.V. The history of the institute forced feeding of prisoners and the practice of its application: problems and prospects. *Yurist yuga Rossii i Zakavkaz'ya = Lawyer of the South of Russia and Transcaucasia*, 2017, no. 1 (17), pp. 41–45. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АВДЮХИН – адвокат Московской коллегии адвокатов «Ульпиан», Москва, Россия, магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

SERGEI A. AVDYUKHIN – Lawyer at the Moscow Bar Association “Ulpian”, Moscow, Russia, Master’s Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, s.avdyukhin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9265-2891>

Статья поступила 30.01.2025